

ЭТИКА В ПЛЕНУ АБСТРАКЦИЙ, ИЛИ О ПАРАДОКСЕ НАУЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

М.В. Силантьева

Вопрос о роли этики в современной научной культуре – далеко не праздный. Как и вопрос о роли этики в культуре как таковой, «в единстве и борьбе» её (этики) научных, философских и социальных аспектов. Всегда ли хорошо понижение уровня абстракции? Всегда ли позитивное или феноменологическое научное описание эмпирически данного есть лучший путь «к самим вещам», к конкретному в гегелевском смысле? Ведь с подачи этого мыслителя наука в философском понимании – это, как минимум, рационально-объяснительная и/или рационально-описательная модель действительности, представляющая сущность, то есть проявляющая саму действительность.

Научно-философский подход, распространенный в современной культуре, во многом базируется на приведенном выше «полупозитивистском» прочтении Гегеля. Данный подход, как известно, стремится к максимально точному выявлению закономерностей – устойчивых повторяющихся связей – во всех сферах действительности, «природе, обществе и мышлении». При этом неизбежно происходит «понижение уровня абстракции»: если есть желание описать действительность в её феноменальной разнообразии, но с сохранением «вектора смысла», неизбежно возникает стремление перейти от «чистой сущности» к её «отягченным материей» проявлениям, то есть от абстракции как таковой – к своеобразной смеси «абстрактного» с «конкретным». Кавычки в данном случае показывают, что понятия употреблены в данном случае не вполне в гегелевском смысле, поскольку гегелевский смысл как раз не позволяет «смешивать», но предлагает «разводить».

И вот что интересно. В наше время «понижение уровня абстракции» при формировании научной картины мира позволяет фиксировать процессы, имеющие место на современном этапе развития культуры. «Смеси» сегодня востребованы, как никогда; а дисциплины «среднего уровня» (такие, как религиоведение, философия науки, философия культуры и т.д.) заявляют о своём эвристическом и прогностическом потенциале все более аргументированно.

Для примера хотелось бы привести историю, рассказанную несколько лет назад во время заседания Ученого совета по этике при МГУ им. М.В. Ломоносова одним из моих научных учителей, Тамарой Андреевной Кузьминой. Новости. На экране – «горячая точка». Тележурналист бежит вслед за солдатами и снимает. Затем – быстрая смена кадра: впереди бегущий упал, камера это фиксирует, и снова продолжается быстрое движение вперед.

Упавший «наш», тот, кто, очевидно, был проводником для журналиста в этом нескучном месте, так и остался лежать, он не остановился ему помочь. Профессиональная этика на высоте. А «человеческая»?

Воспроизвожу этот развёрнутый пример, поскольку он, с моей точки зрения, как нельзя лучше иллюстрирует парадокс, возникающий при развитии в современной культуре такого аспекта права, смежного с этическим нормативизмом, как профессиональные кодексы.

Силантьева Маргарита Вениаминовна – д. филос. н., профессор кафедры философии МГИМО (У) МИД России.

Важные в социальном смысле, эти документы, как правило, формально соответствуют уровню административного права, закрепляя нормы общественно одобряемой морали, в свою очередь отражающие стандарты общественного мнения применительно к конкретным сферам профессиональной деятельности – врачебной, педагогической, научной и т.д.

В среде профессионалов распространено мнение, что подобные кодексы – следствие высокого развития общества на базе совершенствования технологий:

- высокая степень специализации общественно значимой деятельности ведет к специфическому совершенствованию её регуляции;
- нормы права и морали не просто взаимодействуют, но почти сливаются.

Мораль при этом нередко оценивают как чрезвычайно высокоразвитую. Показателем её уровня считают толерантность; именно поэтому появляется необходимость регулирования профессионального поведения средствами права (то есть государственной машины), а не только с помощью совести.

И правда, этическое регулирование сопряжено с правовым, хотя они и не совпадают, а скорее пересекаются. Многие (но, вероятно, не все) нормы права одобряются моралью, также, как не все нормы морали подкрепляются правовыми санкциями. Даже сама по себе программа «Антиплагиат» не является доказательством в суде – к ней должен «прилагаться» эксперт, толкующий ее результаты. И вовсе не подлежат правовым санкциям идеи (а не формулировки), которые после разговора с коллегами начинают обыгрывать, как свои. И в самом деле – в чём тогда суть научных дискуссий, как не в обмене идеями? И разве существует возможность приватизировать Истину, а тем более – монополизировать её? Впрочем, история «закрытых» исследований, в том числе и в области гуманитарного знания, иногда свидетельствует об обратном. Так, этнографические экспедиции нередко являлись в XIX веке «прикрытием» военно-картографических изысканий или их «довеском», как во времена Н.Н. Миклухо-Маклая; были среди них и такие, которые имели самостоятельное значение как сбор стратегически важных данных о традициях и обычаях тех народов, которые потом предполагалось «покорять».

Однако если говорить о более широких отрезках времени, истина оказывалась всё-таки «дороже» и постепенно просачивалась к тем, кто далёк от «допусков». Тем более ограничения на знания важны в тех контекстах, где социальное развитие не дошло до «отмирания права», как некогда мечтали анархисты и даже отчасти социалисты. И тем интереснее описание механизмов гибридизации права и морали, сигнализирующие, возможно, об общественных переменах в данном направлении. Уместно, тем не менее, обратить внимание на негативные сценарии,

интерпретирующие профессиональную этику как фактическую элиминацию этики из общественного сознания и замещение её клановыми механизмами регулирования. Именно таким образом здесь интерпретируется «срастание» морали в формате общественного мнения (то есть по сути доморального феномена) и права. По существу указанная гибридизация представляет собой одно из проявлений неоархаики, постепенно утрачивающей те «моральные абсолюты», которые «отрываются» от описаний и претендуют на уровень теоретического понимания.

Да, теоретическая этика евроцентрична и абстрактна. Она не «впихивает» набор «лекал», которым необходимо под вывеской «национальных ценностей» следовать, не раздумывая. Моральные абсолюты – это скорее вектор, признающий существование смысла, допускающего различные аксиологические трактовки. При этом каждая из которых оказывается недостаточной как во времени, так и в пространстве. Отсюда, вероятно, не только несовпадение этических доктрин определённого исторического периода и реальной истории нравов, а также этно-специфика морали (в этом же ряду следует поместить и «профессиональные этики»); но и разница «вертикальной» истории развития этического сознания и соответствующего ему этического нормативизма. При этом отрицание «моральных абсолютов» – путь к разрушению этической ответственности, а значит, и свободы; перенесение её с личности, лица на коллектив, готовый применить не только нравственные, но и «физические» санкции (включая психологическое насилие).

Существенный момент с этой точки зрения связан с сегодняшним «поворотом на Восток», где соседская община (например, махала) играет роль координатора применения клановой «этики». Современная западная культура подготавливается к этой встрече, видимо, лучше, чем мы думаем, поскольку, подчеркнём, гибридизация права и общественного мнения здесь уже состоялась. Что останется тогда от этики в том самом, персонально и соборно ответственном смысле, который имели в виду учёные и философы условного «Запада», когда говорили о «моральных абсолютах» и Истине с большой буквы? Современная наука диагностирует конвергенцию значительно более мощную, чем это представлено даже с позиций теории «цивилизационных разломов» С. Хантингтона. Этика в научном смысле, представленная в контексте «профессиональных этик», сталкивается с этикой в «старом» философском смысле. Социальный потенциал при этом, очевидно, пока ещё имеют оба этих направления.

*Silantieva M. V.
Ethics captivated by abstractions or
paradox of scientific approach to professional
ethics*